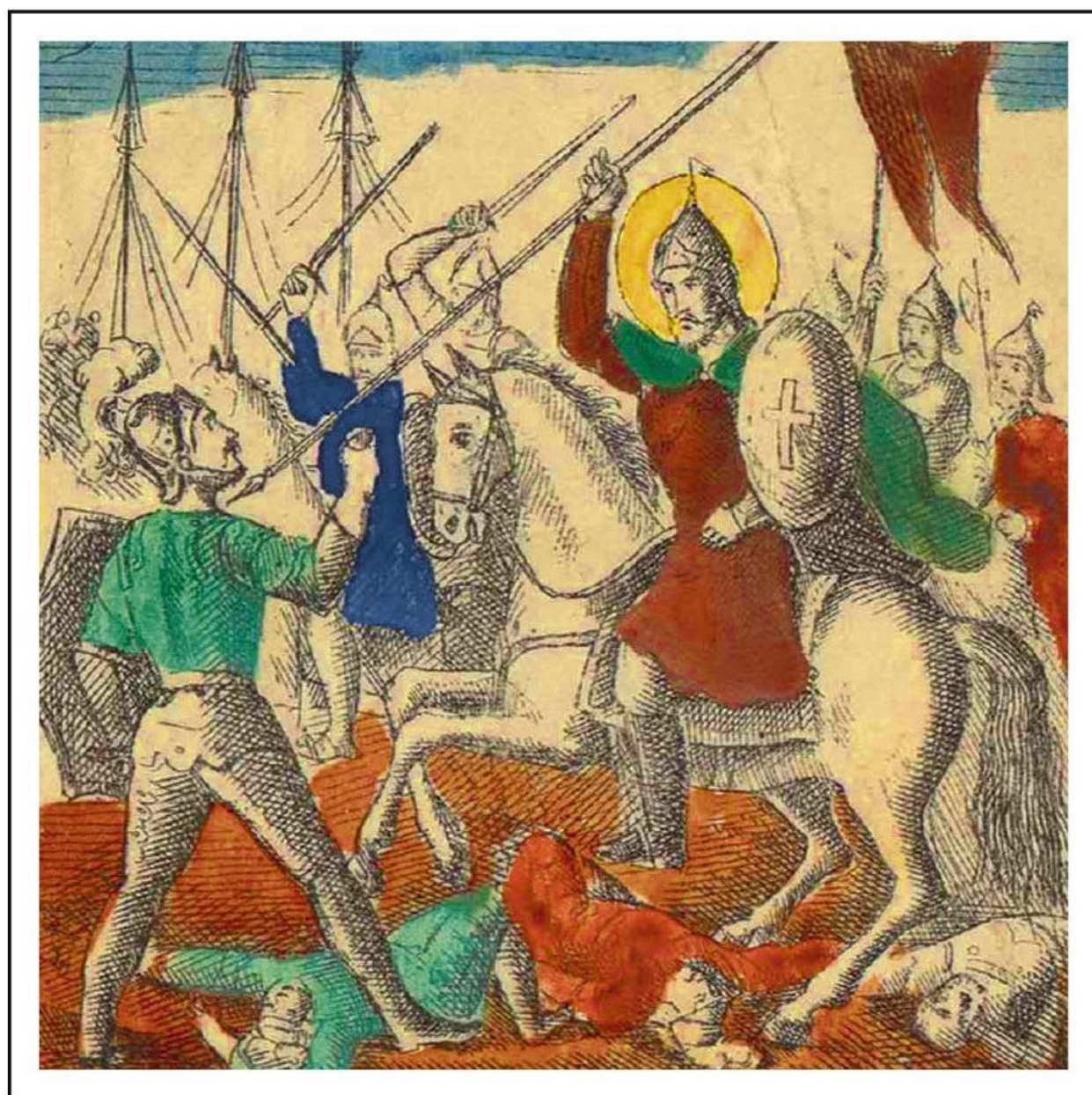

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РОССИИ

В.В. ДОЛГОВ

ФЕНОМЕН АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

Русь XIII века между Западом и Востоком

Новейшие исследования по истории России

Вадим Долгов

**Феномен Александра
Невского. Русь XIII века
между Западом и Востоком**

«Центрполиграф»

2020

УДК 94(47)34
ББК 63.3(2)42

Долгов В. В.

Феномен Александра Невского. Русь XIII века между
Западом и Востоком / В. В. Долгов — «Центрполиграф»,
2020 — (Новейшие исследования по истории России)

ISBN 978-5-227-09105-5

Александр Невский – один из самых противоречивых деятелей эпохи русского Средневековья. Способность решать сложные «политические уравнения» снискала князю уважение современников и потомков. Однако это же его качество стало причиной обвинений в беспринципности и даже предательстве интересов Руси. За столетия политическая биография князя обросла весьма причудливыми пластами «нарратива». В исторической памяти документальная основа знаний о жизни и деяниях Александра Невского оказалась практически полностью сокрыта текстами и художественными образами позднейшего происхождения. Вскрыть эти напластования, отделить исторические факты от гипотез – цель новой книги доктора исторических наук, профессора В.В. Долгова. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(47)34

ББК 63.3(2)42

ISBN 978-5-227-09105-5

© Долгов В. В., 2020

© Центрполиграф, 2020

Содержание

Введение	6
Глава 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Вадим Викторович Долгов
Феномен Александра Невского
Русь XIII века между Западом и Востоком

© Долгов В.В., 2020

© «Центрполиграф», 2020

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2020

Введение

Биография Александра Невского в последнее время стала предметом бурных дискуссий: не всегда серьезных, но всегда шумных. Почему это произошло именно в настоящее время – понять нетрудно. На протяжении столетий общество развивалось более или менее поступательно – новые культурные формы последовательно сменяли старые.

Христиане ниспровергали язычество, коммунисты, в свою очередь, ниспровергали христианство, а либеральные демократы в России стремились порвать с коммунистическим прошлым. При этом из разрушенного универсума отбиралось ценное, то, что можно было использовать в рамках новой мировоззренческой системы. Таким образом обеспечивалась преемственность и упомянутая поступательность. Образ «святого князя-воина» (не именно Александра Невского, а вообще), сформировавшись в языческую эпоху, был воспринят христианством, а затем стал органическим элементом патриотического мировоззрения советской эпохи. Но затем все поменялось.

Отличительной чертой эпохи постмодерна стал мультикультурализм и ценностный релятивизм. Появилось пространство для умственной игры и разнообразной деконструкции прежних культурных образов, или, говоря модным языком социальной антропологии, мемов. Если раньше проповедник нового учения, высвобождая место для своих идей, яростно и, что важно, убежденно громил предшественников и оппонентов, то на новом витке исторического развития возник новый вид деконструкции. В ней нет былой серьезности и горячности. Это тотальная деконструкция, цель которой не является идеологической в строгом смысле слова. Во многом это желание сломать то, что ломается, и обесценить то, что обесценивается «просто так», «для интереса», just for fun. Кроме того, этот вид деконструкции преследует цели, которые можно назвать исследовательскими. Однако не в былом академическом смысле. Так ребенок, ломая игрушку, безусловно движим желанием узнать, что у нее сокрыто внутри. Однако есть в этом желании «проанализировать» и некоторая доля варварских эмоций упоения разрушением. Этот аспект «деконструкции» тоже нельзя сбрасывать со счетов.

В полной мере затронули эти процессы и историческую сферу. Я не говорю про «науку», ибо эти процессы распространяют свое влияние далеко за пределы академических кабинетов. Они затронули историческую память, школьное обучение и массовую художественную культуру. Современный «исследователь» – это любознательный ребенок, вооруженный хирургическим ланцетом.

Коснулся этот ланцет и образа князя Киевского, Владимирского, Новгородского и всея Руси Александра Ярославича Невского. «Князь? Святой? А ну, иди сюда! Грешки есть? А если найдем?»

Попытка очистить полотно «исторической реальности» от «напластований исторического нарратива» привела к тому, что в порыве энтузиазма исследователи и «исследователи» стерли весь красочный слой до тканой основы. На месте образа князя, знакомого нам по школьным учебникам (и уже поэтому несколько подозрительного), обнаруживается пустое место, размытое пятно, лишенное всякой определенности. Обнаружив это созданное их же усилиями зрелище, ученые реагировали по-разному. Одни патетически объявляли себя ниспровергателями замшелых догм и революционерами в науке. Другие, ударяясь в противоположную крайность, стали апологетами едва ли не религиозного типа. Пытаясь всеми силами спасти пострадавшую картину, они вовсе отказались от исторической критики.

Истина, как это часто случается, лежит посередине. Критически смывая позднейшие напластования «нарратива», важно вовремя остановиться. Определить тот слой, который можно (пусть и с определенной долей гипотетичности) считать наиболее близким изучаемой эпохе, наиболее информативным с исторической точки зрения. Кстати сказать, сами эти «нар-

ративы» – тоже не пустяк. В них содержится немало интересного если не об Александре Невском, то об особенностях исторического сознания и коллективной памяти. Если присмотреться к механизмам их нарастания на историческую основу, можно многое понять об этой самой основе. Основе, которая явлена нам в целом комплексе средневековых текстов. Увы, пока машина времени не изобретена, ближе к исторической реальности нам не подойти. Но даже если вдруг представить, что такое изобретение будет сделано, исторических споров это отнюдь не прекратит. Каждый путешественник, посетивший прошлое в «историческом скафандре», будет описывать что-то свое, как это случается и с реальными путешественниками, посетившими одну и ту же страну: один видит процветающий край, а другой, стоявший рядом, описывает нищую пустыню. Современные историки могут считать большой удачей, что первоначальный отбор и обработка информации уже проведены современниками изучаемых событий. Особенно если речь идет о средневековой эпохе. Ученые вступают в диалог со средневековыми авторами. Диалоги эти подчас бывают весьма забавными. Историки спорят с современниками, перебивают их, пытаются доказать, что они, сидячи в XXI веке, лучше знают, что происходило в веке XIII. Однако, так или иначе, совместными усилиями историки и современники реконструируют прошлое.

Понятно, что полученный результат в любом случае нельзя будет считать прямым отражением исторической реальности. Но это единственно плодотворный путь, проходящий между крайностями гиперкритицизма и квазирелигиозной апологетики.

Попытке найти этот путь посвящена настоящая книга. Она посвящена не только разбору биографии князя, о которой все известно весьма неплохо, но и анализу тех текстов и историй, то есть, собственно, того самого «нарратива», который был создан вокруг и по поводу его личности за прошедшее время. Серьезных научных работ, посвященных Александру Невскому и его эпохе, в последнее время выходит немало¹. Поэтому автор счел необходимым уделить больше внимания современным «альтернативным» версиям и разнообразным «деконструкциям», которыми наполнено около-историческое информационное пространство. Надо сказать, картина в результате «деконструкции деконструкции» получилась не слишком скандальная. Она в гораздо в меньшей степени отличается от «иконописного» оригинала, чем это было бы необходимо для приготовления острого блюда из «жареных» фактов. Князь как князь. Нормальный политический деятель XIII века в контексте суровой эпохи. Если есть желание прочитать леденящую кровь историю о том, что «в реальности все было не так, как на самом деле», то это книга не для вас, лучше сразу отложить ее в сторону. Книга рассчитана на аудиторию, готовую вместе с автором вникать в мелочи и тонкости и строить сложные модели реальности.

---

¹ См., например: *Кривошеев Ю.В., Соколов Р.А.* Александр Невский: эпоха и память. Исторические очерки. СПб., 2018.

Глава 1

Русь в XII–XIII вв

Русь – крупнейшее политическое объединение средневековой Европы. В науке давно шел спор, насколько правомерно считать Русь единым государством, насколько оправдано утверждение о существовании единой древнерусской народности и древнерусского языка. Теперь, на фоне русско-украинского конфликта, эти споры приобрели особую эмоциональность. Казалось бы, современный русско-украинский конфликт может иметь к академической истории Древней Руси не больше отношения, чем сооружение заградительной полосы между США и Мексикой к изучению древних цивилизаций Мезоамерики. Однако политически вовлеченные энтузиасты тащат современную политическую повестку на страницы научной и учебной литературы, в очередной раз подтверждая истину, афористично сформулированную академиком М.Н. Покровским: «История – это политика, опрокинутая в прошлое».

И вот уже проводится конференция под названием «Украинско-российские отношения периода Средневековья». Причем конференция, по заявлению организаторов, приурочена к 850-летней годовщине взятия Киева войсками Андрея Боголюбского в 1169 г. Степень абсурдности подобной постановки проблемы уже почти перестала удивлять. Такими темпами «ученые» дойдут до проведения конференции «Отношения между СССР и США периода раннего Средневековья» или «Осада и взятие Иерусалима войсками стран НАТО в 1099 году».

Политическая возня, развернувшаяся вокруг темы политической и культурной интеграции русских земель домонгольского периода, создает определенные помехи для решения этого вопроса. Но в целом наука располагает достаточным количеством источников, чтобы решить большую часть возникающих вопросов.

Была ли Русь единым государством? Была, несомненно. Понятно, что институт государства, как и все социальные институты, должен рассматриваться исторически. Средневековое государство отличается от современного так же, как отличается от современной средневековая семья, средневековая денежная или школьная системы. Но с поправкой на специфику эпохи, наличие единого политического образования вполне очевидно. Что связывало различные русские земли в единую политическую систему?

Во-первых, род Рюриковичей, который коллективно владел территорией Руси и весьма ревностно охранял свою монополию на власть. Единственный раз в летописи встречается ситуация, когда их монополия на княжеское достоинство была поставлена под сомнение: новгородцы просили у Святослава князя себе, а никто из его детей не захотел ехать. Послы пригрозили: «Аще не поидете к намъ, то налезем князя себе»². Все, однако, разрешилось благополучно – в Новгород поехал Владимир. Описанный случай является, конечно, исключением, лишь подтверждающим правило. Поведение новгородцев можно объяснить, во-первых, нетвердостью обычая, связывающего род Рюриковичей с Русью: Владимир был представителем всего лишь четвертого поколения. Во-вторых, близостью Скандинавии, откуда, при необходимости, можно было призвать еще какой-нибудь княжеский род, как в свое время был призван сам Рюрик. В более поздние времена вопрос даже не ставился. Был, правда, случай, когда князем попытался стать галицкий боярин Владислав Кормиличиц. Выгнав малолетнего Даниила Романовича с матерью из города, он принялся править вместе со своими товарищами Судиславом и Филиппом. Собравшиеся на совет король, владимирские бояре, княгиня, вдова Романа,

---

² ПСРЛ. Т. I. Стб. 69.

князя презрительно говорили: «Володиславъ княжится»³, а не «княжит». После чего не по чину возвысившийся боярин был «ят» и мучим.

Единство русских земель поддерживалось не только генеалогическим единством правящего рода, но и принципом лестничного восхождения, согласно которому князь, начав свое княжескую карьеру в маленьком городе одной части Руси, по ходу жизни успевал побывать в качестве князя во всех остальных ее частях. Так, например, дед нашего героя – Мстислав Мстиславич Удачный, начав восшествие по княжеским ступеням с маленького южного Треполя под Киевом, затем перебрался в Торопец (современная Тверская область), долгое время правил в самой северной русской столице – Новгороде, не меньше в самой юго-западной – Галиче, и закончил жизнь в Торческе – почти там, где начал, в пятидесяти километрах от Треполя. Ни один читатель летописи в здравом уме не разглядит в его перемещениях переход из одного самостоятельного государства в другое. Это игра на единой шахматной доске, которая целиком входит в зону внимания русских летописцев. Региональные летописные традиции, появившиеся в XII в., конечно, имеют вполне понятный дифференциал в сторону местной событийной канвы и демонстрируют очевидный региональный патриотизм. Но при этом никогда не выпускают из виду общерусский общественно-политический поток, который для них выступает верхним таксономическим пределом. То есть, например, для новгородского летописца события, происходящие в Киеве или Владимире, соединяются в единую событийную цепочку с тем, что происходит в Новгороде, а вот скандинавских, польских или византийских событий он практически не видит и в повествование не вплетает.

Не менее четко институализированный признак – церковная организация. При крещении была создана киевская митрополия. Предстоятель носил титул митрополита Киевского и всея Руси. Пространство, на которое распространялась власть русского митрополита, было определено вполне четко, ведь на нем осуществлялась его административная деятельность. В отличие от государства, которое пережило во второй половине XII в. дробление, церковь оставалась вполне монолитной иерархической структурой.

Географические координаты Руси в источниках определены вполне конкретно в тексте XIII в. «Слово о погибели земли Русской»: «О, светло светлая и украсно украшена, земля Русская! <...> Отселе до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от немецъ до корелы, от корелы до Устьяга, где тамо бяху тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарь, от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдвы». Русь на севере выходит к «Дышючему» морю, то есть к Северному Ледовитому океану. На востоке граничит с землями восточнофинских племен (мордвы и марийцев), а также с землями тюрков – болгар. Важным географическим ориентиром является город Устюг, который в те времена был городом на северо-восточном пограничье. Как видим, земли Северо-Восточной Руси никак особо автором «Слова» не выделяются. Русь представлена монолитным образованием, вызывающим уважение сопредельных народов и стран.

Есть и несколько более поздний источник «Список русских городов дальних и ближних», относящийся к XIV в. География этого списка включает в себя весьма обширные пространства от Черного моря до Балтийского⁴.

Таким образом, серьезных сомнений в том, что представляла собой Русь в территориальном и государственно-политическом смысле, нет.

Несколько сложнее вопрос с этническим и, шире, социально-психологическим содержанием этого термина. Осознавали ли люди Древней Руси ее как целостность даже в те времена, когда территория эта была разделена между разными княжениями? И вопрос еще более существенный: как формировалось сознание групповой общности? В каком качестве Русь суще-

---

³ Там же. Т. II. Стб. 728.

⁴ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Исторические записки. М., 1952. Т. 40. С. 214–259.

ствовала в умах современников: как этнос или как конфедерация самостоятельных государств, соединенных только единой княжеской династией и властью митрополита Киевского? Вопрос принципиальный, ведь подчас сознание групповой общности – единственная связующая нить, составляющая источник жизни социума тогда, когда более «материальные» связи по тем или иным причинам «не держат». Более того, в ретроспективе особенно явственным становится факт, что чаще всего в определении границ исторических общностей иных критериев, кроме существовавших у людей представлений о том, где они пролегают, просто нет⁵. По словам Л.Е. Куббеля, «в обществе доклассовом, особенно на ранних стадиях и в пору расцвета родового строя, в силу нерасчлененности общественного сознания людей такого общества потестарное и этническое сознание практически совпадают. Более того, этническое сознание и самосознание в доклассовом обществе может выполнять, по существу, потестарные функции»⁶.

Кроме того, проблема осознания общности напрямую связана с темой древнерусского патриотизма, горячо обсуждаемой именно в связи с Александром Невским. Можно ли считать Александра защитником Руси? Или объектом его защиты была «вера православная». Именно такой точки зрения придерживается видный историк русского Средневековья И.Н. Данилевский. По мнению И.Н. Данилевского, князь Александр Невский не может считаться «защитником Родины», ибо в общественном мировоззрении XIII в. такой идейной конструкции не существовало. С этим нужно согласиться: в древнерусских текстах подобного словосочетания мы не найдем. Однако справедливо и то, что единое в структурно-функциональном смысле представление о Родине может быть выражено в разных образах. Если книжник XIII в. пишет о «защите христианской веры», точно ли христианскую веру в техническом смысле он имеет в виду? Или под этим выражением скрывается нечто иное?

В связи с этим особенно важным представляется задача уяснить, как осмыслялось существование русской общности на самых ранних этапах ее существования, в эпоху, когда Русь переживала период становления государства и этноса (а стало быть, не имела в полной мере ни того ни другого), а русские книжники делали еще только первые попытки осмыслить феномен ее появления на мировой арене. Рассмотрение этого вопроса особенно важно еще и потому, что, как уже говорилось, на Руси образованная «книжная» элита выполняла консолидирующую функцию и была носителем этнического своеобразия. Как то бывает нередко, на Руси именно интеллектуалы раньше всех других сделали шаг к построению этнического самосознания. Русь отличалась в этом отношении от Западной Европы, где, по мнению Марка Блока, «чувство национальности» вызревало не в среде людей образованных, существовавших в контексте латиноязычного универсума, а в кругах более примитивных⁷. Таким образом, рассматривая «книжное» осмысление Руси, мы тем самым приближаемся к пониманию процесса формирования этнического самосознания в целом.

Вопрос этот имеет довольно обширную литературу, в которой процесс оформления идеи Руси как общности рассматривается в ключе становления этнического самосознания. В статье «Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора „Повести временных лет“» Н.И. Толстой предложил условную парадигму или сетку-модель характеристики славянского самосознания, включающую следующие компоненты-показатели: 1. Религиозный. 2. Общеплеменной. 3. Среднеплеменной. 4. Частноплеменной и 5. Государственный. По мнению ученого, у Нестора религиозное сознание – христианское, общеплеменное – славянское, среднеплеменное – русское (которое, правда, «еще созревало и не занимало ключевой доминирующей позиции»), частноплеменное – полянское, и государственное – «причастность к Русской

⁵ Воображаемые границы предложил считать главным критерием этничности автор наиболее известной конструктивистской концепции этноса норвежский исследователь Фредерик Барт (см.: *Садохин А.П.* Этнология. М., 2000. С. 88–89). Кроме того, см. об этом: *Толочко А.* Воображенная народность // *Ruthenica*. Київ, 2002. Т. 1. 112–118.

⁶ *Куббель Л.Е.* Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988. С. 67–68.

⁷ *Блок М.* Феодалное общество. М., 2003. С. 424.

земле». «В процессе исторического развития тот или иной показатель становится доминантным, и эта система доминант и их взаимного соположения характерна для истории и развития национального самосознания каждого славянского народа»⁸.

При общей стройности модель Н.И. Толстого обнаруживает, однако, ряд существенных недостатков. Как ни странно, хуже всего она работает именно на восточнославянском материале (очевидно, именно поэтому Н.И. Толстой для примеров использовал ляхов-мазовшан и поэзию Николая Клюева, а не собственно днепровских полян). Во-первых, вне зависимости от того, является ли «Русь» этнонимом местного днепровского или пришлого скандинавского происхождения, в любом случае генетической связи между Русью и, например, дреговичами нет. И здесь вряд ли существенно меняют дело оговорки по поводу «еще созревающего» компонента, так как в отношении тех же лютичей, мазовшан и поморян речь идет именно о происхождении от ляхов («Словени же ови пришедше седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а от тех Ляхов прозвашася Поляне, Ляхове друзии: Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне»⁹), в то время как днепровские поляне, древляне, северяне и пр. в трактовке ПВЛ происходят прямо от славян. «Созревать» здесь, собственно, нечему. «Русь» и «ляхи» для летописца – понятия совершенно разных порядков. Во-вторых, «среднеплеменной» и «государственный» компоненты в указанной модели дублируют друг друга – в обоих случаях фигурирует «Русь», «Русская земля». В принципе это, очевидно, должно означать, что в рамках политического образования формируется этническая общность, но ясности в понимании особенностей мировоззрения летописца это не добавляет, так как остается неясно, что же для Нестора «Русь» – народ или политическое объединение?

Слабое звено рассмотренной концепции, как кажется, заключается в том, что Н.И. Толстой пытался приписать мировоззрению летописца ту строгую логичность, которой в его произведении не было и быть не могло в силу особенностей мышления средневекового человека, для которого было характерно гораздо более свободное построение логических связей, чем то привычно современному человеку. «Историко-этнографический» очерк, которым открывается ПВЛ, сам по себе очень противоречив. Прежде всего потому, что, как было уже сказано, он не является в действительности «историко-этнографическим», а скорее историко-богословским очерком. Анализируя очерк, следует иметь это обстоятельство в виду. Исследуя самосознание, следует по возможности стараться в большей степени следовать ходу мысли исследуемого объекта, так как, подходя к материалу с заранее заготовленным жестким трафаретом (в данном случае – это понятие «этническое самосознание»), мы рискуем увидеть сквозь намеренные нами «окошечки» картину либо искаженную, либо вообще вполне бессмысленную и лишенную внутренней логики.

Попробуем рассмотреть имеющийся материал, используя понятия, близкие тем, которыми оперировал сам летописец, и следуя его программе раскрытия вопроса «откуда возникла Русская земля».

Следуя логике летописи, мы видим, что, желая определить место Руси в мире, Нестор первым делом вписывает ее в библейскую классификацию, производящую три большие части человечества от сыновей Ноя – Сима, Хама и Иафета (Бытие, 10: 5). Таким образом, первая координата, первый компонент самосознания летописца – отнесение Руси к «жребию Афетову»¹⁰.

Обращение летописца к этой классификации не стало лишь эпизодом развития книжной традиции. Представление о Руси как стране потомков Иафета закрепилось в самосозна-

⁸ Толстой Н.И. Этническое самопознание и самосознание Нестора Летописца, автора «Повести временных лет» // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000. С. 446.

⁹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 6.

¹⁰ ПСРЛ. Т. I. Стб. 3–4.

нии. Свидетельством этому служит тот факт, что спустя столетия в памятнике севернорусской, новгородской исторической мысли XVII в. «О истории еже о начале Руския земли и создании Новгорода и откуда влачашеся род Славенских князей» эта сугубо библейская конструкция предстает перед нами в «доработанном» местными мыслителями виде. По сути, мы имеем дело с абсолютно новой историко-мифологической конструкцией, в которой привнесенного славянского (новгородского) уже гораздо больше, чем изначального библейского. По этой легенде, вошедшей во многие памятники письменности XVII в., Новгород изначально назывался Словенск Великий и был назван так в честь его основателя Словена, родоначальника славян, и потомка Скифа, который, в свою очередь, был Иафетовым правнуком¹¹. Помимо авторитета христианской традиции, на использование именно этой «координаты» в качестве начальной в ПВЛ, очевидно, оказало влияние еще и то, что построена она была на элементарном генеалогическом принципе, близком и понятном человеку раннего Средневековья, едва вышедшему из родовой эпохи. Летописная концепция, возможно, была выстроена в противовес языческим представлениям, зафиксированным «Словом о полку Игореве», согласно которым Русь мыслилась как «жизнь Дажь-Божа внука»¹², то есть, по сути, как наследие потомков Дажьбога. Языческой мифологии была противопоставлена, таким образом, мифология библейская (противопоставлена, как показывает «История» о Словене и Русе, успешно).

Следует отметить, что уже на этом этапе рассуждения летописца с точки зрения строгой формальной логики не вполне безупречны. Во-первых, начав перечислять народы «жребия Афетова», он, не завершив списка, прерывает его, а затем начинаются дополнения, открывающиеся фразами «Въ Афетови же части...», «Афетово бо и то колено...»¹³. Во-вторых, некоторые народы (в том числе и русь) в списке повторяются. В науке неоднократно предпринимались попытки обнаружить в данном перечне логику. Одна из последних, весьма основательных, предпринята В.Я. Петрухиным¹⁴. Им проанализирован перечень народов, данный в ПВЛ после вводной фразы «Афетово бо и то колено...», где перечислены: «варязи, свеи, урмане, готе, русь, агляне, галичане, волхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове». По его мнению, «варязи» и «волхва» – это общие наименования групп народов, которые перечисляются следом¹⁵. То есть список имеет следующую форму: «ВАРЯЗИ: свеи, урмане, готе, русь, агляне, галичане; ВОЛХВА: римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове». Однако в этом случае остается не совсем понятным положение в нем «галичан», которые, кажется, более уместно смотрелись бы в списке народов, находившихся в орбите «волхвы». Тем не менее, несмотря на отсутствие полной ясности в рассуждениях летописца на этом первом этапе, бесспорным остается, что первая, наиболее общая координата происхождения и славян и Руси (на этом этапе у летописца нет необходимости дифференцировать эти понятия, так как и те и другие происходят от одного корня), – это их генеалогическая связь с потомством Иафета.

Следующий смысловой блок, который может быть без существенных натяжек выделен из рассказа летописца, посвящен определению соотношения понятий «славяне», «поляне», «варяги» и «Русь». Современному формально-логически рассуждающему читателю из объяснений летописца так или иначе понятными оказываются следующие положения.

Во-первых, славяне, происходящие от Иафета и первоначально жившие на Дунае, по прошествии лет разошлись по земле и приобрели различные имена, оставшись при этом общностью, связанной единством происхождения, языка и грамоты (то есть письменности и, может быть, литературного языка).

¹¹ Мыльщикова А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999. С. 23–24.

¹² Слово о полку Игореве // БЛДР. Т. 4. XII в. СПб., 1997. С. 258.

¹³ ПСРЛ. Т. I. Стб. 4.

¹⁴ Петрухин В.Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. 1 (Древняя Русь). М., 2000.

¹⁵ Там же. С. 62.

Во-вторых, киевляне – это в прошлом поляне, и, следовательно, тоже славяне, так как «поляне» – одно из «имен», приобретенных одной из частей славянской общности после расселения.

В-третьих, современная летописцу «Русь» охватывает только славянские племена, в то время как в прошлом «русь» – это одна из разновидностей «варягов», от которых название вследствие вокняжения варяжских (а именно русских) князей перешло на славян¹⁶. О том, кто такие, по имени летописца, «варяги», косвенно можно заключать из того, какие этнонимы поставлены им в перечень, охватываемый этим понятием. Это шведы, норманны, англичане и готы. Живут они возле «варяжского» моря (хотя география их расселения дается весьма туманно). Читателю наших дней многое остается о варягах непонятно. Прямо не обозначено взаимное отношение народов, охваченных этим понятием (русь, шведы, норманны, англичане и готы родственны или объединены по иному критерию, например культурному или географическому)? Каким образом новгородцы могли поменять свою родовую (племенную) принадлежность и стать вдруг «от рода варяжского» (это идет вразрез со всеми представлениями о механизмах функционирования родового общества)? Эти неясности, в конечном итоге, и дают основания непрекращающемуся спору между исследователями по поводу так называемой «норманнской проблемы». Ясно, впрочем, что варяги в понимании летописца – общность не местная, пришлая, к славянству, расселявшемуся с Дуная, отношения не имеющая.

Как видим, объем информации достаточно большой. И очевидно, для современников данные летописцем объяснения «откуда есть пошла земля Русская» были вполне достаточны. Однако если рассуждать в рамках современного терминологического аппарата, «Русь» оказывается понятием с таким набором характеристик, который никуда не вписывается. Это не этнос в полном смысле слова, но и не государство. Многозначность понятия «Русь» у Нестора – факт, на который обращали внимание многие исследователи. А.И. Рогов и Б.Н. Флоря считают, что «для Нестора и для его предшественников, „Русь“ и „Русская земля“ – это одновременно обозначение и особого народа, и особого государства»¹⁷. По мнению В.В. Седова, «русь в X–XIII вв. одновременно и этноним, и политоним»¹⁸. О многозначности понятия «Русская земля» пишет В.М. Рычка¹⁹.

Причина этой многозначности отмечается большинством исследователей совершенно определенно – это незавершенность процесса образования государства и этноса на момент создания летописи. По удачной формулировке, данной А.И. Роговым и Б.Н. Флорей, «Русь как этническая общность, совпадая с государством, именно этим аспектом наиболее ясно отделялась, с одной стороны, от восточнославянских „племен“, с другой – от славянской общности»²⁰. Нельзя, однако, согласиться с мнением названных исследователей, что Нестору были известны лишь два термина для обозначения этнических общностей – «род» и «язык». Существовал еще один термин, который используется летописцем для осмысления сущности описываемого явления достаточно широко. Это термин «земля». На первый взгляд кажется, что слово это не имеет отношения к сфере этноса, а лишь к территории. Однако это не так. Внимательный анализ всего круга значений показывает, что во многих случаях появлялось значение «народ»²¹. Можно привести целый ряд примеров – первый находим в самом заголовке «Повести времен-

¹⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 28.

¹⁷ Рогов А.И., Флоря Б.Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) // Развитие этнического самосознания славянских народов. М., 1982. С. 166.

¹⁸ Седов В.В. Древнерусская народность: Историко-археологическое исследование. М., 1999. С. 221.

¹⁹ Рычка В.М. Київська Русь: проблема етнокультурного розвитку (конфесійний аспект). Київ, 1994. С. 9.

²⁰ Рогов А.И., Флоря Б.Н. Формирование самосознания древнерусской народности (по памятникам древнерусской письменности X–XII вв.) С. 116.

²¹ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. СПб., 1893. Стб. 972–973.

ных лет» – «Откуда есть пошла земля Русская». Здесь «земля» употреблено в смысле нерасчлененном: и народ, и территория (народ – в первую очередь, так как территория не имела в мировоззрении той эпохи такого большого значения, как придается ей сейчас)²², откуда-то «пойти» мог именно народ. В этом смысле близким этому слову было слово «страна», значение которого также отличалось от современного. Это было не просто «государство» и «область»²³. Только слово «страна» употреблялось для чужих земель, для Руси это слово, как правило, не используется (что понятно: страна – сторона – сторонний – странник – stranger/чужак). В древнерусской литературе часто *земля/страна* – это широкое понятие, в котором было интегрировано представление о территории, объединяющей некую человеческую общность, со своими жизненными устоями, нравами, обычаями и властью. Именно так употребляет это понятие митрополит Иларион в своем «Слове»: «Хвалить же похвальными гласы Римская *страна* Петра и Паула, имаже вероваша въ Иисуса Христа, Сына Божия; Исиа и Ефесь, и Патмъ Иоанна Богословца, Индиа Фому, Египеть Марка. Вся *страны* и гради, и людие чтуть и славять коегождо ихъ учителя, иже научиша я православней вере. Похвалимъ же и мы, по силе нашеи, малыми похвалами великаа и дивнаа сътворишааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славного Святослава, иже в своа лета владычествующе, мужьством же и храборьством прослуша въ *странах* многих, и победами и крепостию поминанются ныне и словуть. Не въ худе бо и неведоме *земли* владычествоваша, нъ в Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли»²⁴. Отзвук самостоятельного значения слова «страна», не сводимого ни к государству, ни к территории, ни к народу в отдельности, а объединяющего все эти понятия, в современном языке сохранился, например, в выражении «дальние страны». Именно к такому понятию, к земле/стране, и вел свое рассуждение Нестор, и, доведя объяснение до границ понимания, обусловленных этим термином, он остановился. Он рассказывал не о генезисе государства, не о происхождении народа, а именно о земле/стране в древнерусском ее значении. Он писал о той общности, которая реально существовала, и употреблял для этого термин, лучше всего к тому подходящий.

«Русь» в ПВЛ не «язык», не «род» и не «княжество», это земля/страна. Народ, ее населяющий, происходит от Иафета и говорит на славянском языке, на котором говорят многие люди не в одной только Руси. Название свое и княжеский род страна получила от чужого народа – варяговруси, которые в лице своего князя были приглашены для наведения порядка, – примерно так может быть передана концепция русской общности в «Повести временных лет».

Особый пункт построений летописца – религия. Принятие христианства и образование русской митрополии стало важным этноконсолидирующим фактором²⁵. Наряду с княжеским родом церковная организация служила объединяющим началом, действие которого не прерывалось даже тогда, когда русские городские волости переживали период политической разобщенности. Конфессиональные отличия играли роль принципиального критерия отделения «своих» от «чужих». Православная вера воспринималась как национальная даже на бытовом уровне. В повседневной жизни «бытовая» классификация чужаков строилась по преимуществу не по национальному, а именно по религиозному признаку²⁶.

В сфере идеологий ситуация была несколько иной: в представлении ученого книжника православие не всегда имело значение символа национальной специфики. Если речь заходила о «высоких материях», исповедание христианства становилось характеристикой, при помощи

²² Толочко О.П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. 38 с.

²³ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999. С. 772. Ср.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1912. Стб. 535–537.

²⁴ Иларион. Слово о Законе и Благодати // БЛДР. Т. 1. XI–XII века. СПб., 1999. С. 42–44.

²⁵ Толочко О.П. Русь: держава і образ держави. С. 11–29.

²⁶ Долгов В.В. Очерки истории общественного сознания Древней Руси XI–XIII веков: Уч. пособие. Ижевск, 1999. С. 203–208.

которой летописец вводил Русь в общность высшего порядка – мир праведно верующих стран: «Мы же, христиане, елико земель, иже веруют в святую Троицу и в едино крещение, и в едину веру, закон имам одинъ, елико в Христа крестихомся и в Христа облекохомся»²⁷. Отделяя Русскую землю от беззаконных и нечестивых народов, православие делало ее частью светлого мира народов «правильных», обозначая тем самым ее положение во вселенском противостоянии сил добра и зла.

Вместе с тем, когда речь шла о «защите веры христианской» в контексте описания военных конфликтов, древнерусский книжник, конечно, не имел в виду защиту египетских коптов или ирландских монахов. Речь всегда идет о своем собственном «русском» оплоте христианского мира. В контексте описания военных столкновений в древнерусском летописании «христианский» почти всегда равно «русский».

Таким образом, пути осмысления феномена Руси летописцем в достаточной степени отличались от того шаблона, с которым часто подходят к его произведению исследователи наших дней. Он отвечал на вопросы, существенно отличающиеся от тех, которые занимают современного ученого, и ответы на которые наука пытается найти в его произведении. В центре его внимания – не народ и не государство (представляющие основной интерес для современного человека), этнические и политические отношения – для него лишь элементы сложной картины, не имеющие самостоятельной ценности. В центре его внимания – земля/страна, именно в рамках этого понятия конструируется осмысление этно- и политогенетических процессов в «Повести временных лет».

Понятие земли/страны широко используется на страницах летописного труда. Границы этого понятия существенно отличаются от современного значения слова «страна», подобно тому как существенно отличается понятие «философия», которое в древнерусской культуре включало в себя без разделения многие отрасли гуманитарного знания, институализировавшиеся ныне в отдельные дисциплины²⁸. Земля/страна – это и территория (границы которой определяются достаточно приблизительно – как перечень географических ориентиров мест расселения ее обитателей, прежде всего бассейнов рек, а кроме того, лесов, озер, гор, торговых путей²⁹), и общность, культурное и политическое пространство, взятое в неразделимом единстве.

Происхождение от Иафета, славянский язык и грамота, название и княжеская династия от пришлых варягов-руси, включенность в христианский мир – вот координаты, описывающие положение Русской земли среди других стран в «Повести временных лет».

В принципе можно причислить (хотя и с некоторой натяжкой) такое понимание Руси, сконструированное при помощи понятия земли/страны к явлениям этнического самосознания, но с той лишь оговоркой, что совпадение в данном случае не буквальное (ведь «земля» все же не совсем и не только «этнос»), однако вряд ли перекодировка мысли летописца на язык современной науки возможна в более адекватных формах.

Важной проблемой является соотношение Руси в узком и широком смысле этого слова. В источниках северо-восточного происхождения путешествия на юг, в Киев, Чернигов или Переяславль нередко обозначаются как поездки «на Русь». До определенного времени этот факт объясняли весьма логично и спокойно: понятно, что колонизация территории, населенной финскими племенами, осуществлялась из южнорусских земель. Несомненно, северо-восток Руси, ставший центром формирования единого Русского государства, изначально был культурной и этнической периферией. Колонизация его начинается довольно рано, но до середины

²⁷ ПСРЛ. Т. I. Стб. 12.

²⁸ Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. М., 1990. С. 38.

²⁹ Помимо ПВЛ см. также «Слово о погибели Русской земли», где при описании границ Руси смешаны сразу три критерия: этнографический (угры, ляхи, чехи и пр.), географический (город Устюг) и природно-геологический («Дышущее» море) (Слово о погибели Русской земли // БЛДР. XIII век. СПб., 1997. Т. 5. С. 90).

XII в. этот регион не играл существенной роли в политической жизни русских земель. Для жителей периферии южные земли являлись метрополией, «Русской землей» в «узком смысле слова». При этом «Русь» в широком смысле охватывала все территории, где говорили на славянских языках, распространялась власть рода Рюриковичей и митрополита Киевского и всея Руси.

Отсюда выражения о поездках «на Русь» в текстах северного и северо-восточного происхождения.

Однако в последнее время украинские историки (тоже, очевидно, не без идеологического давления) изменили взгляд на этот древнерусский узус. По мнению киевского историка К. Галушко, только Киевская, Черниговская и Переяславская земли, входящие в состав современной Украины, – это «настоящая Русь», а все остальные – «липовые». Они стали Русью уже потом, присвоили себе это название, а то и вовсе являются выдумкой «російських» ученых³⁰. Все случаи «широкого» значения полностью игнорируются.

В данном случае мы имеем дело с классической полуправдой. К. Галушко, очевидно (и не без основания), надеется, что его не искушенный в истории читатель не станет брать в руки летописи и проверять его хитрое «плетение словес». Между тем стоит только открыть «Повесть временных лет», как первые же географические координаты «Русской земли» полностью разрушают его построения: «И избрашася трие брата с роды своими, и пояша по собе всю русь, и придоша къ словеномъ первее. И срубиша город Ладогу. И седе старейший в Ладозе Рюрикъ, а другой, Синеусъ на Беле озере, а третей Труворъ въ Изборьске. И от техъ варягъ прозвася Руская земля»³¹.

Вообще, летописец был более всего озабочен именно тем, чтобы объяснить нам, потомкам, что именно представляла собой современная ему Русь. Поэтому определения Руси он дает несколько раз, используя все доступные способы объяснения. Русь для него и территория, и языковая общность.

Вот что пишет Кирилл Галушко в начале XXI в.: «Русь находилась в очень конкретном месте – в Киеве, а если уж не в Киеве – то в Среднем Поднепровье, а если не в нем, то в „Южной Руси“. И нигде больше!»

А вот что пишет земляк Кирилла Галушко, автор «Повести временных лет», в начале XII в.: «Се бо токмо словенескъ языкъ в Руси: поляне, деревляне, новъгородьци, полочане, дърговичи, северо, бужане, зане седять по Бугу, послеже же волыняне».

Как видим, в качестве русских племен летописец в начале XII в. называет полян, древлян, новгородцев, полочан, дреговичей, северян и бужан. Причем под «новгородцами» в ПВЛ понимаются словене и кривичи (предки полочан, по мнению все того же летописца), как видно из истории призвания Рюрика.

При этом летописец очень четко отделяет славяноязычные народы от неславянских, платящих Руси дань и совершенно чужих.

Таким образом, Переславль-Залесский, родина Александра Ярославича, располагался на Руси в широком смысле слова. Это была окраина, которая стремительно набирала силу и влияние. Возвышение Северо-Восточной Руси началось в княжение Андрея Боголюбского в середине XII в. Наибольшего влияния достигла при младшем брате Андрея – Всеволоде III Большое Гнездо. В этот момент великий князь Владимирский по весу и широте политического влияния не уступал, а может быть, и превосходил великого князя Киевского. Переславль-залесское княжение было весомым элементом северо-восточного конгломерата княжеств, управляемых потомками Всеволода и ориентированных на Владимир как на политический центр. В начале

³⁰ Кстати, весьма занимательная особенность: русское слово «русский» пользуется у пишущих на русском языке националистически настроенных украинских ученых особой нелюбовью. Слишком откровенно выпирает этот раздражающий корень «рус».

³¹ ПСРЛ. Т. I. Стб. 20.

XIII в. Владимирской земле удалось достичь признания в качестве самостоятельного политического элемента и на церковном уровне. В 1214 г. от Ростовской епархии была отделена епархия Суздальская и Владимирская.

Сам город был основан Юрием Долгоруким. Таким образом, Переславль был «единокровным братом» Москве, основателем которой является тот же князь. Причем сам Юрий, судя по всему, готовил большое будущее именно Переславлю. Вывод такой напрашивается потому, что укрепления изначально были заложены громадные. Периметр городских валов Переславля – около 2 километров, тогда как изначальная крепость – «город» Москвы – менее километра. По мнению академика С.В. Загравского, такие размеры свидетельствуют о том, что город был изначально задуман как крупный центр. То есть как одна из столиц Северо-Восточной Руси: «Городов, больших по размерам, чем Переславль, в Северо-Восточной Руси не было. Сопоставим с ним только Владимир (периметр укреплений Мономахова, или Печерного, города – тоже около 2,5 км). Периметр укреплений Юрьева-Польского, как мы уже говорили, меньше – 2 км. В Суздале еще меньше – 1,4 км. Вероятно, укрепления Ростова были не больше суздальских (на сегодняшний день их точные очертания неизвестны). В Дмитрове (основанном немного позже Переславля – в 1154 г.), Ярославле (Рубленый город) и Перемышле Московском – около 1 км, в Звенигороде и Москве (крепость 1156 г.) – около 800 м, в Мстиславле и Клещине – около 500 м.

Переславль-Залесский был очень большим городом и по меркам всей Руси, не только Северо-Восточной. Больше него были только Киев (периметр укреплений города Ярослава – около 3,5 км) и Смоленск (город Ростислава – тоже около 3,5 км). Периметр укреплений Переяславля-Русского (ныне Переяслав) был гораздо меньше – около 1,5 км, Новгорода и Старой Рязани (ныне Переславль-Рязанский) – около 1,4 км»³².

Под стать размерам было и архитектурное убранство города. Центральным храмом был и остается собор Преображения Господня, заложенный в 1152 г. Это первый белокаменный собор Владимиро-Суздальской Руси, древнейший из сохранившихся. Архитектура этого собора гораздо строже той, которая расцветет в Залесском крае в княжение Андрея Боголюбского. В ней нет ни типичной для владими́ро-суздальской архитектуры белокаменной резьбы, ни аркатурно-колончатых поясков, да и пропорции храма существенно отличаются от более поздних: Преображенский собор кряжист и статичен. В нем крестили многих северо-восточных князей, в том числе и князя Александра Ярославича.

Древний собор уникален еще и тем, что в нем сохранилось граффити, в котором упоминается об убийстве князя Андрея Боголюбского.

Другим городом, с которым была связана жизнь Александра Невского, был Новгород. Это древнейший русский город. В негласном рейтинге русских городов Новгород считался вторым по значимости после Киева. Впрочем, к началу XIII в. конкуренцию ему могли составить и Чернигов, и Переславль-Южный, и Владимир-на-Клязьме. Тем не менее Новгород и в XIII в. оставался крупнейшим русским городом. Во всяком случае, территориальные владения Новгорода были самыми большими среди других русских княжений. Они занимали огромные пространства Русского Севера. В учебной литературе распространено мнение о том, что социально-политическое устройство Новгорода отличалось от устройства других русских городов. Принято считать, что новгородцы в меньшей степени были зависимы от княжеской власти. Большую роль общественной и политической жизни Новгорода играло вече. Это утверждение верно лишь отчасти. Действительно, вече в Новгороде отличалась самостоятельностью и свободолобием. Однако отличие от общей русской системы не было принципиальным. До эпохи

³² Загравский С.В. К вопросу о столицах Северо-Восточной Руси: Переславль-Залесский при Юрии Долгоруком, Боголюбове при Андрее Боголюбском // Материалы XX межрегиональной краеведческой конференции (17 апреля 2015 г.). Владимир, 2016. С. 296–306.

монголо-татарского нашествия Новгород управлялся практически так же, как другие русские города. Князю приходилось согласовывать свои действия с мнением городской общины. Городская община высказывала свое мнение на вечевых собраниях. Вечевые сходы существовали и в отдельных частях города (концах), и на общегородском формате³³.

В этом, однако, не было ничего уникального. Другие русские города тоже имели свои вечевые собрания. Эти собрания могли оказывать весьма серьезное влияние на княжескую политику. Примером может служить события 1068 г. в Киеве. После поражения от половцев киевляне изгнали князя Изяслава Ярославича. На престол был посажен полоцкий князь Всеслав. Впрочем, Всеслав не справился со взятыми на себя обязанностями. В трудную минуту он предпочел бежать. Когда Всеслав бежал, киевляне снова пригласили Изяслава. На первый взгляд, был восстановлен статус-кво. Но после этого изгнания ситуация уже не могла быть прежней. Стало понятно, что городская община в критической ситуации может отказать князю в праве на занятие стола. Быть может, новгородцы пользовались аналогичным правом несколько чаще представителей других русских городов, но сущностного отличия не было.

Завершая обзор Руси XII–XIII вв., необходимо дать краткую характеристику порожденных этим временем источников, из которых мы можем черпать информацию о героях настоящей книги.

Первый блок источников составляют летописи. Летописание было одной из важнейших культурных традиций русского Средневековья. Образцом для русских летописей стали византийские хроники, но как по форме, так и по идейному содержанию русские книжники весьма далеко отошли от греческих традиций, создав свой оригинальный жанр исторических сочинений. Первые записи начали делать в XI в., хотя, возможно, в первые летописные тексты включались фрагменты, написанные в более ранние времена. Важным этапом формирования отечественного летописания стало создание в начале XII в. «Повести временных лет» – летописи, являющей собой не просто погодную фиксацию событий, а связанное осмысление событий русской истории «изначала» до времени составления. «Повесть временных лет» стала образцом для последующих летописцев. Кроме того, она служила началом большинства последующих летописных сводов, которые формировались путем добавления более поздних сведений, которым текущий летописец сам был свидетелем, к тем сведениям, которые были собраны его предшественниками. В результате образовалось разветвленное древо летописных сводов, имевших общее начало – «Повесть временных лет», и разнообразные региональные продолжения. Оригинал «Повести» не дошел до наших дней. Но именно потому, что «Повесть» была включена в качестве начала в большое количество летописных сводов, мы сейчас имеем возможность читать ее текст.

---

³³ Петров А.В. Несколько замечаний о древнерусском «одиначестве» // Труды исторического факультета СПбГУ. Т. 6. С. 71–83.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.